

* * *

Я стоял на коленях в своей комнате, думая обо всем, что сделал не так. Когда все это началось? Я всегда был такой? Возможно, всегда. Наверное, я был ужасен в каждой жизни, которую прожил. Был ли способ выбраться из этого порочного круга?

Я просто хотел жить нормальной жизнью. Если бы я был более нормальным, случилось бы что-нибудь плохое? Родители воспитывали меня не так, как других. Они отличались от всех остальных. И, в конце концов, я не мог общаться ни с ними, ни с кем бы то ни было. Никто не хотел меня видеть. А мои родители хотели, чтобы я был рядом? Они не знали, что со мной делать. Я тоже не знал. Я не знал, как из этого выбраться.

Я свернул свой старый, холодный футон и обхватил его руками, сжимая так крепко, как только мог. Я лег на бок, все еще держась за футон, и несколько раз ударился об него головой. Я не хотел поднимать слишком много шума - это беспокоило бы моих родителей. Это было то, чему я научился - тихо биться, пока не ударился головой об пол в процессе.

Я измучил себя, крича про себя, чтобы как-то загладить свою ужасную жизнь. Есть ли какой-то способ покинуть этот дом, покинуть деревню и оставить родителей? Возможно ли как-то начать все сначала? Если бы я жил по-другому, мог бы я завести друзей и быть тем, кто нравится людям?

Или я просто обречен провести остаток своих дней под сенью родителей, ожидая новой трагедии? Сколько еще людей умрет из-за меня? Это был только вопрос времени... когда умрет кто-то еще... Родители не могли мне помочь. Кто может мне помочь? Я ни к кому не могла пойти. Они могут умереть.

Я должен был остаться здесь. Просто оставаться в этой комнате. Здесь я никому не причиню вреда. Здесь некого было разочаровывать, кроме моих родителей. Но что я мог поделать? После всего, что они сделали, чтобы вырастить меня... вот кем я стал. Когда я вообще что-то делал сам? Я должен был измениться много лет назад. Каким человеком я должен быть? Кем-то уверенным в себе? Симпатичным? Умным? Был бы я собой, если бы обладал всеми этими качествами?

* * *

Я вышел из комнаты, когда подумал, что, возможно, захочу что-нибудь съесть. Хотя я не был особенно голоден, я все еще чувствовал необходимость выполнять основные, ежедневные действия, такие как еда. Мама сидела за столом, и я не удивился, увидев, что она задумала. Весь стол был завален внутренностями.

Каким животным когда-то принадлежали эти органы, я не знал. Скорее всего, они были

местных диких животных, хотя были и другие предположения, которые я мог себе представить. Но там были сердца, желудки, печень, кишечник, легкие и еще много чего, чего я не мог распознать. Запах уксуса или того, в чем сохранялись органы, был наисильнейшим, но я не мог отвернуться. Тот факт, что мать пыталась совершить еще один из этих ритуалов... оставил во мне чувство отстраненности. Как будто я наблюдал за чем-то, что происходит только в сказках, а не здесь, в этом доме.

Пока мать кланялась гротескному зрелищу и шептала себе под нос мантру, я заметил, что из каждого органа торчат иглы. По четыре в каждом, если быть точным. По количеству смертей.

За такой короткий срок я убил двух человек. Может быть, к весне умрут еще двое? Это было худшее, о чем я когда-либо думал, но мне казалось, что все зависит от того, кто и когда. Спасет ли хоть один из этих ритуалов моих родителей? Если я останусь здесь, они, наверное, погибнут. Но куда еще я мог пойти? Я должен был просто остаться здесь. А если мать и отец умрут?

Мне не хотелось в этом признаваться, но такая возможность меня не расстраивала. Возможно, это было худшее, что я когда-либо думал. Они вырастили меня, и даже когда я был таким взрослым, они все еще заботились обо мне. Несмотря на мою бесполезность, они все еще надеялись на лучшее для меня. Но какое это имело значение? Какое это имеет значение? Это чужь. Все это ни к чему не приведет. Ничто не могло исцелить мою боль.

Я заметил, что отца нет дома, и не слышал, как он работает. На улице было холодно. Снега еще не было, но зима уже начиналась. У отца обычно были какие-то дела на зиму, хотя иногда он уезжал на какое-то время, чтобы помочь с работой по дереву в соседнем городе. Возможно ли, что он недавно уехал? Я понял, что не разговаривала с ним уже пару дней.

Я подождал несколько минут, пока мама закончит петь, но она продолжала, не останавливаясь ни на минуту. Перебивать было невежливо, поэтому я опустился на колени и стал ждать. Мне не хотелось больше ни нюхать, ни смотреть на органы, поэтому я закрыл глаза и зажал нос. Я мог только ждать, когда мама перестанет шептать тем божественным духам, от которых она искала помощи.

Прошло не меньше получаса, прежде чем она, наконец, остановилась. Я тихо спросил ее:

- Ты знаешь, где отец?

Мама усмехнулась и приложила палец ко рту.

- Вчера он был в пещере, искал временное просветление.

Так он жил в пещере. Вероятно, в той, которую он показывал мне пару лет назад - он был уверен, что в ней недавно обитал какой-то конкретный ками. Конечно, внезапное исчезновение отца меня не удивило, как и мамин «стол органов». Я мог только догадываться, что он сейчас делает. Неделю назад он отрезал все свои волосы и связал их вместе в круг, который затем

поджег. Не только волосы на голове, но и все волосы на теле, если быть точным.

Я принимал все это как часть моей повседневной жизни. Все это не имело смысла. Но я не делал ничего лучше, чем мои родители. Они действительно внесли свой вклад в мир, несмотря на то, что по большей части были отделены от него. Какая у меня была цель? Ее не было.

- Хочешь присоединиться? - спросила мама, указывая на то, что я принял за печень. - Когда ты фокусируешься на самых основных элементах жизни, ты можешь чувствовать себя более непринужденно в противостоянии, с которым ты столкнешься.

Я попытался улыбнуться, но не был уверен, что мне это удалось.

- Нет, спасибо. Я в порядке, мама.

* * *

В конце концов отец вернулся, и он стал таким просветленным, каким его представляла мать. Должно быть, он провел какой-то особенно волнующий ритуал, учитывая, как быстро он заговорил. Он перескакивал от одной темы к другой, и я с трудом понимал, о чем он говорит. Минуту за минутой я просто сидел и ждал, когда он остановится.

- А ты как думаешь? - он вдруг спросил меня.

- Звучит неплохо, - сказал я, со стеклянным взглядом.

- Вот это дух! - сказал отец. - Если ты уйдешь сейчас, то доберешься туда к ночи.

Я не понимал, о чем он говорит, но вскоре обнаружил, что выхожу за дверь с сумкой повседневных вещей и грубо набросанной картой бабушкиного дома. Она жила неизвестно где, и, очевидно, отец считал, что мне будет полезно пообщаться с ней несколько дней. Мама искренне согласилась, полагая, что помощь бабушке с ее болезнью, в свою очередь, поднимет мне настроение.

Это звучало как ужасная идея. Я убью бабушку. Неужели они не понимают, как это ужасно? Я ничего не мог с этим поделать. Если они хотят избавиться от меня на несколько дней, я, по крайней мере, могу согласиться с их вдохновенным планом.

Мама схватила меня за плечо и похлопала по спине.

- Твоя бабушка - самый мудрый человек из всех, кого я знаю. Ты можешь спросить ее о чем угодно, Митико-тян, и ты получишь множество замечательных советов.

- Я не знаю... - сказал я, глядя на дверь. Я не хотела уходить из дома. Сколько людей встретится мне на пути к бабушке? Сколько жизней я разрушу сегодня?

- Ты тоже мне очень поможешь, - продолжала мама. - Ты поможешь бабушке почувствовать себя лучше. Она протянула мне странно украшенную чашу и маленький клочок бумаги. - На протяжении многих столетий горные монахи вносили небольшие изменения в количество каждого ингредиента, пока не усовершенствовали окончательный рецепт этого мисо-супа. Ты сможешь впечатлить бабушку, если будешь использовать этот рецепт. И убедись, что она будет есть из этой миски. Она была изготовлена со ста восемью природными целебными свойствами.

С этими словами я отправился навестить бабушку. День был холодный, облачный, а на мне была только тонкая куртка поверх снежно-белого кимоно, чтобы защитить тело от ветра. Я не хотел быть снаружи. Пребывание снаружи напомнило мне обо всем, что я когда-либо делал за порогом дома.

Прошло много лет с тех пор, как я в последний раз видел бабушку. При моих родителях она была вся эксцентричная, но в то же время дряхлая. Большинство бабушек и дедушек не жили бы в одиночестве, как она. Но она всегда настаивала на этом. Я не знал почему. Возможно, личности моей бабушки и моих родителей столкнулись друг с другом.

Я продолжал идти по одинокой тропинке, размышляя, стоит ли мне следовать этому плану. Я не мог заботиться о бабушке. Как приготовить суп, чтобы вылечить ее от болезни? Она умрет, и это будет моя вина. Может, мне не стоит ее навещать? Может, мне вернуться домой? Может быть, мне просто уйти в лес, просто лечь, просто лежать, и просто оставаться там, и никогда больше не вставать и никого больше не беспокоить?

Я стиснул зубы, слезы текли по моему лицу. Я не заметил, как начал плакать. Мое лицо застыло. Но в руках у меня была сумка и миска, и мне не хотелось отпускать их, чтобы вытереть слезы.

Я просто не мог пойти к бабушке... разве не было шанса, что это приговорит ее к смерти? Может, она действительно рассчитывала на меня. На меня и эту волшебную миску супа.

Облака сегодня были такими низкими. Интересно, если бы они опустились еще ниже, они бы просто расплющили всю землю? Даже думать об этом было невыносимо.

* * *

Я сидел в темной тесной комнате рядом с бабушкой, которая лежала на своем футоне и рассказывала какую-то сказку из древнего фольклора. Я слышал много таких историй на протяжении многих лет, и они, как правило, следуют одной и той же общей схеме. Кто-то, кому не везет, делает что-то хорошее для кого-то, не сдаваясь, или старается изо всех сил... и, в конце концов, какое-то существо ёкаи заставляет все волшебным образом работать на него. Мои родители любили эти истории, и бабушка, по-видимому, тоже. Возможно, они узнали их от нее.

Я не мог сосредоточиться на словах бабушки больше нескольких секунд. Я мог думать только о том, как она умрет.

Бабушка была необычным человеком. Она мне не нравилась, и я понимал, что это жестоко с моей стороны. Она была высокой для бабушки - высокой для женщины вообще. Ее ноги торчали из-под одеяла футона, поэтому они были обмотаны чистыми тряпками, как толстыми носками, а третья тряпка была накинута сверху для дополнительного тепла. Эта тема различных полосок ткани распространялась на ее головной платок; тряпки были обернуты вокруг ее рук; и пару рваных шалей поверх кимоно. Она всегда смотрела на меня, свирепо прищурившись, хотя иногда на несколько долгих секунд широко раскрывала глаза, не веря своим глазам - и каждый раз без видимой причины.

- Тебе не кажется, что это слишком, Арашима-сан? - спрашивала бабушка. - Кажется, каждый год они добавляют еще один налог, чтобы построить новую дорогу или плотину, и я никогда не вижу, чтобы из этого что-то вышло.

Бабушка была почти слепой, и поэтому приняла меня за человека по имени Арашима-сан. Я не знал, кто он такой, но было ясно, что она предпочитает его обществу моему. Хотя я не возражал притворяться незнакомцем. Было приятно притвориться кем-то другим.

Я изо всех сил старался поддерживать банальную беседу, но на самом деле это не требовало больших усилий. Половину времени она даже не замечала, что я говорю, и придумывала что-то другое, на что могла бы сама и ответить. И снова я не возражал. У меня не было ничего важного, чтобы сказать в каждом из случаев. Я просто надеялся, что это сделает бабушку немного счастливее, по крайней мере, на некоторое время. Как бы долго она ни молчала.

На самом деле, я просто выжидал. Я приехала сюда, чтобы убить свою бабушку, и мне было все равно. Что со мной случилось? Как я стал таким проклятым?

Если я больше не человек, то кто?

Шли часы и дни, а я только и делал, что слушал бабушку. Я играл роли, которые она мне давала. Множество людей, которых я никогда не знал, и все они жили жизнью, которая действительно что-то значила для нее. Интересно, знала ли она, кто я на самом деле? Она не могла видеть меня здесь и сейчас. Хорошо, что меня вообще для нее существовало.

Каждый день я готовила суп, рецепт которого мне дала мама. Это был простой рецепт мисо-

супа. Немного больше даши, чем обычно добавляла мама, но кроме того, это была обычная красная паста мисо, немного тофу и пара зеленых луковиц. Бабушкин запас овощей не выглядел таким уж аппетитным, но мне пришлось довольствоваться тем, что имелось в наличии.

Миска, из которой я позволяла бабушке есть, тоже не казалась особенной. По краям были разбросаны разные старые иероглифы - я мог разобрать только общий смысл любого из них, но это были просто слова исцеления. Возможно, это была мантра или какая-то архаичная форма поэзии. Но кроме этого, чаша была украшена маленькими изображениями существ, которых я не мог легко идентифицировать. Некоторые походили на рыб или кальмаров, но плавали в воздухе среди странных птиц с множеством длинных хвостов. В воде, окружавшей дно чаши, виднелись какие-то руки, вытянутые из волн.

Неужели эта миска должна была как-то помочь бабушке? Каждый раз, когда я готовила для нее суп, она изо всех сил старалась его съесть, и почти каждый раз, когда она делала глоток, у нее начинался приступ кашля. Возможно, суп и миска могли бы ей помочь, но мое присутствие сводило на «нет» любое положительное влияние.

С каждой миской, которую я подавал бабушке, я убивал ее все больше. С таким же успехом я мог бы подать ей яд. Возможно, тогда я, по крайней мере, буду честен с собой. Вместо этого я притворялся всеми этими людьми, о которых она действительно заботилась. Притворялся, что хочу, чтобы ей стало лучше.

Но лучше ей не станет. Ее состояние только ухудшится. Ее смерть была лишь вопросом времени. Бабушка должна была стать моей третьей жертвой.

* * *

К концу недели приехал отец и привез меня домой. Бабушке не стало лучше, но они с мамой не планировали заставлять меня оставаться с ней слишком долго. Возможно, они признали ошибку, позволив мне приблизиться к ней, особенно когда она была в таком хрупком состоянии.

Когда я был дома, все, что я мог сделать, это постараться ни о чем не думать. Шли дни, но ничего не происходило. Разве это не к лучшему? Я не хотел, чтобы что-то случилось.

Я лежал на футоне и смотрел в потолок. Я смеялся. Я не понимал, почему смеюсь. Что тут смешного? Тот факт, что я все еще жив? Жива ли еще бабушка? А может, и нет. Разве мои родители ничего не сказали бы? Может, они тоже не знали. Это было забавно. Я рассмеялся.

В какой-то другой день, а может, в тот же самый, я ходил взад и вперед. Что я делаю? Я должен был что-то делать? Что-то делал явно.

Я снова лежал на футоне. Неужели я всегда так устаю? Я не устал. Но мне не хотелось вставать. Как жалко! Но, возможно, это и к лучшему. Если бы я встал, если бы я вышел из дома, если бы я с кем-то что-то сделал - ну, никому бы это не понравилось.

Мама сообщила мне, что бабушка умерла. Я убил бабушку, но не хотел этого говорить. Я просто плакал в подушку, и мама решила, что мне грустно из-за бабушки.

Почему мне было грустно? Мне не было грустно. Может, я притворялся, что плачу.

- Я не грущу! - хотел сказать я, но слова застряли в подушке. Мама, наверное, решила, что это истерический плач. Но так оно и было, не так ли?

Сколько времени прошло с тех пор, как я навещал бабушку? День? Неделю? Ей понадобилась неделя, чтобы умереть? Какая упрямая старуха! Сколько супа она выпила? Я столько раз пытался ее убить! Как я мог быть таким жестоким?

Мой обычный день... мой самый обычный день. Сколько нормальных дней я прожил? Этот долгий, тихий день. Сколько дней я должен плакать? Сколько дней я должен улыбаться? Разве этот день не может просто закончиться? Я так устал.

Я, молча, сидел в темноте у озера, совсем один.

Я стоял на лодке посреди озера, совсем один.

Я шагнул в ледяную воду, совсем один.

<http://tl.rulate.ru/book/23951/502115>